

Научная статья

DOI: 10.15393/j9.art.2024.14063

EDN: UDT CIS

Русская литературная усадьба: взгляд в будущее

О. А. Богданова

*Институт мировой литературы им. А. М. Горького,
Российская академия наук
(Москва, Российская Федерация)*

e-mail: olgabogda@yandex.ru

Аннотация. Цель статьи — выявить и охарактеризовать перспективные векторы развития русской литературной усадьбы в первой четверти XXI в., в связи с чем в широком культурном контексте рассмотрены произведения по «усадебной» тематике Т. Н. Толстой, Ю. В. Мамлеева, В. Г. Со-рокина, А. П. Потёмкина, Е. Г. Водолазкина, Г. Ш. Яхиной, А. И. Слаповского, М. Л. Степновой, В. О. Пелевина и др. Показано, что новое качество усадебного текста, по сравнению с классикой XIX — начала XX в., возникает еще в советской литературе и продолжается в постсоветской. Главными для развития современной литературной усадьбы становятся категории гетеротопии усадьбы, усадебного габитуса, дачного мифа, криптоусадебной мифологии и усадебности, а также новые модификации усадебного топоса: город-сад, окно в трансцендентные смыслы и евро-азиатский феномен. Однако наиболее значимым фактором будущего литературной усадьбы в XXI в. становится «цивилизационный подход», привлекаемый из исторической науки. В его рамках междисциплинарный феномен русской усадьбы осмысливается как манифестация универсального архетипа мировой истории с библейских времен, с одной стороны, и важнейший элемент национального культурного кода России с древности до наших дней — с другой. Именно «цивилизационный подход» связывает футурологию русской усадьбы с «большим временем» и выводит ее историю за рамки имперского периода XVIII — начала XX в., которым раньше ограничивали ее существование. Благодаря ему приметы Московской Руси XVI–XVII вв. в ряде «усадебных» текстов современных авторов могут быть восприняты как тенденция, а не курьез. Актуальность статьи — в стремлении конкретизировать пути цивилизационной самобытности России. Научная новизна — во впервые комплексно представленной системе категорий поэтики для изучения литературной усадьбы настоящего и будущего. Выводы статьи получены с учетом научно-исследовательского контекста по затронутым вопросам и призывают к дальнейшей дискуссии.

Ключевые слова: литературная усадьба, литературная дача, XXI век, футурология, цивилизационный подход, развитие категориального аппарата, усадьба как город-сад, усадьба как окно в трансцендентные смыслы, усадьба как евро-азиатский феномен

Для цитирования: Богданова О. А. Русская литературная усадьба: взгляд в будущее // Проблемы исторической поэтики. 2024. Т. 22. № 3. С. 309–328. DOI: 10.15393/j9.art.2024.14063. EDN: UDT CIS

Original article

DOI: 10.15393/j9.art.2024.14063

EDN: UDT CIS

Russian Literary Estate: a Look into the Future

Olga A. Bogdanova

*A. M. Gorky Institute of World Literature,
Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)*

e-mail: olgabogda@yandex.ru

Abstract. The purpose of the article is to identify and characterize promising vectors of development of the Russian literary estate in the first quarter of the 21st century, in connection with which the works on the “estate” theme of T. N. Tolstaya, Yu. V. Mamleev, V. G. Sorokin, A. P. Potemkin, E. G. Vodolazkin, G. Sh. Yakhina, A. I. Slapovsky, M. L. Stepnova, V. O. Pelevin, etc. are examined in a wide cultural context. The article demonstrates that the new quality of the estate text, in comparison with the classics of the 19th — early 20th century, arises in Soviet literature and continues in the post-Soviet times. The main categories for the development of a modern literary estate are estate heterotopia, estate habitus, dacha myth, crypto-estate mythology and estateness, as well as new modifications of the estate topos: garden-city, a window into transcendent meanings and the Euro-Asian phenomenon. However, the most significant factor in the future of the literary estate in the 21st century is the “civilizational approach,” drawn from historical science. The interdisciplinary phenomenon of the Russian estate is understood within its framework, on the one hand, as one of the manifestations of the universal archetype of world history since the Biblical times, on the other — as an important element of Russia’s national cultural code from antiquity to the present day. It is the “civilizational approach” that connects the futurology of the Russian estate with the “great historical time” and takes its history beyond the imperial period of the 18th — early 20th century, which previously delineated its existence. Thanks to him, the signs of Moscow Russia of the 16th–17th centuries in a number of “estate” texts by modern authors can be perceived as a trend, rather than a curiosity. The relevance of the article lies in the desire to elaborate the paths of Russia’s civilizational identity. Its scientific novelty is in the first comprehensively presented system of categories of poetics for the study of the literary estate of the present and future. The conclusions of the article are obtained with regard to the research context on the issues raised and call for further discussion.

Keywords: literary estate, literary dacha, 21st century, futurology, civilizational approach, development of categorical apparatus, estate as a garden-city, estate as a window into transcendent meanings, estate as a Euro-Asian phenomenon

For citation: Bogdanova O. A. Russian Literary Estate: a Look into the Future. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2024, vol. 22, no. 3, pp. 309–328. DOI: 10.15393/j9.art.2024.14063. EDN: UDT CIS (In Russ.)

Начнем с того, что ассоциация русской усадьбы, в том числе литературной, сугубо с историческим прошлым страны (обычно верхним рубежом считается начало XX в.), на наш взгляд, неверна в корне. Тем не менее она широко распространена не только среди тех, кого мы называем «заинтересованными читателями», но и в кругах творческой гуманитарной интеллигенции и даже самих исследователей усадьбы. Поэтому повторяем вновь и вновь: вопреки устоявшемуся мнению об окончательной гибели русской усадьбы в огне революций и Гражданской войны 1917–1922 гг., она не была уничтожена в своей основе, а перешла в новые, непривычные формы существования: усадьбу-музей, усадьбу-дачу, усадьбу-колонию, усадьбу-школу, усадьбу-санаторий или больницу, усадьбу — дом отдыха или творчества, в город-сад и т. д., — оставаясь активно-творческой средой, репродуцирующей базовые черты российской ментальности. В разных художественных интерпретациях литературная усадьба присутствует в произведениях писателей советского периода: А. М. Горького, А. П. Платонова, А. Н. Толстого, Б. Л. Пастернака, К. Г. Паустовского, Н. А. Островского, М. А. Шолохова, Г. И. Чулкова, А. П. Гайдара, М. М. Пришвина, Г. И. Серебряковой, А. И. Солженицына, А. Н. Рыбакова, А. Г. Битова, Б. Ш. Окуджавы, С. Д. Довлатова и мн. др., — доказывая, что литература СССР, со всеми ее трагическими противоречиями, — органическая часть русской культуры.

Если в советский период русские усадьбы в подавляющем большинстве перешли из рук частных хозяев в общественное достояние, то в последние три десятилетия, в постсоветской России на рубеже XX–XXI вв., мы наблюдаем воссоздание русской владельческой усадьбы в новом формате, отчасти приближенном к дачному. Как литературный феномен эта усадьба уже нашла выражение в произведениях Ю. В. Мамлеева («Блуждающее

время», 2000), Е. Г. Водолазкина («Авиатор», 2016), А. И. Слаповского («Гуманные аллеи», 2019) и др.

Отмеченные процессы не вызывают удивления, так как, по нашему убеждению, усадебный тип жизнеустройства является элементом общечеловеческого культурного кода и универсальным архетипом, заложенным в основание человеческой природы в самом начале мировой истории. Недаром Эдемский сад-усадеб-ба, или «земной рай», из библейской Книги Бытия становится идеалом жизнеустройства во всех странах антично-библейско-го культурного ареала на протяжении многих столетий вплоть до наших дней. Сохраняя неизменное универсальное ценностное ядро, оставаясь самим собой на глубинном уровне, *усадебный топос* в разные времена и в разных странах обладал способностью принимать те или иные социальные, национальные и цивилизационные обличья. Поэтому мы вправе говорить об излишней категоричности и в конечном счете нерелевантности таких словосочетаний, как «постусадебный этап», «постусадебная эпоха», «постусадебный период» [Гриневич: 48, 55, 68, 79, 128] или «постусадебный мир», «постусадебный универсум» [Агратин: 204, 212], а также «постусадебная Россия» [Летягин, 2024: 348] и «постусадебное <...> время» [Разумовская: 436].

В подобном словоупотреблении ученые исходят из того су-женного понимания усадьбы, которое укоренилось в отече-ственной гуманитаристике в течение XX в., — исключительно как социокультурного феномена в европеизированной импер-ской России XVIII — начала XX в. Мы же постараемся показать, что в исторических катаклизмах 1917–1922 гг. была уничтожена лишь *одна* из историко-культурных форм феномена усадьбы, на самом деле насчитывающего тысячи лет. *Русская* же поме-щичья усадьба, по мнению историков существовавшая начиная с XVI в. (см.: [Дворянская и купеческая сельская усадьба: 10]), за прошедшие столетия пережила несколько кардинальных социокультурных трансформаций, так что видимое разруше-ние *усадебной культуры* в 1917–1922 гг. можно считать одним из ее глубоких кризисов, но никак не уничтожением.

Послереволюционная советская эпоха в первую очередь упрочила такие коллективные модификации *усадебного то-поса*, как *город-сад* и *усадебно-музей*, а также стимулировала

научное осмысление культурной роли усадебного жизнеустройства. Постсоветское время с его информационными технологиями выдвинуло новый *медийный формат* существования усадьбы в XXI в. Прислушаемся к суждениям культурологов Л. Н. Летагина и А. В. Маркова: первый утверждает, что «усадебное мышление планетарно», в то же время являясь русским национальным способом отношения к миру: «русская культура в своей основе — культура усадебная» (см.: [Летагин, 2004: 9, 10]); второй обоснованно предполагает, что в начале третьего тысячелетия «усадьба может оказаться опять в центре русской культуры» благодаря медийному «остранению» (см.: [Марков, 2019: 61]). Более того, по мысли Л. Н. Летагина, до сих пор не раскрыты многие потенции «собственной мифологичности русской усадьбы», в связи с чем возможно «выявление по существу новых категорий усадебного текста» [Летагин, 1998: 253, 254].

Процесс возрождения русской владельческой усадьбы в начале XXI в. во многом связан с переформатированием бывшей советской дачи, а в литературе — с кристаллизацией в 1990-е гг. на основе *поэтосферы дачи* в СССР так называемого *дачного мифа*. В самом деле, на протяжении 1920–1980-х гг. дача из съемного сезонного жилья, предназначенного для непритязательных развлечений и эпизодического отдыха, постепенно превращается в пусть и небольшую, но семейную собственность, подобие родового «гнезда», соединяющего поколения. Именно дача становится главной социопространственной формой частной жизни в стране и все чаще — местом творческого раскрытия личности, скованной теснотой больших городов. Не случайно Т. В. Цивьян отмечает, что с 1960-х гг. дачное движение в СССР стало проявлением национального стремления возвратиться к поместной России (см.: [Цивьян: 22]), однако происходит это все же не подражательно и, как правило, в новом социокультурном формате дачного поселка, принципиально отличном от прежнего усадебного «вертограда заключенного» (см.: [Щукин, 2007: 219–248]).

Так, например, в основе *дачного мифа* в романах Ю. В. Мамлеева «Блуждающее время» (2000) и «Империя духа» (2011) не мифологема «рая на земле», свойственная *усадебному мифу* Серебряного века, и не разоблачение хищно-безнравственного «ада на земле», свойственное литературе раннесоветской эпохи, но учение о «России Вечной», которая больше «рая» и «ада» вместе

взятых. Дома Череповых и Сугробовых — это семейные дачи-усадебны с круглогодичным проживанием хозяев, щедрым гостеприимством, творческими занятиями и высокими культурными интересами, расположенные внутри дачных поселков с удобным транспортным сообщением со столицей. Можно предположить, что такой *дачный миф* — мутация русского *усадебного мифа* начала XX в. в новых исторических, геополитических и, главное, духовно-мировоззренческих обстоятельствах. Дача-усадебна рубежа XX–XXI вв. становится как бы порталом, окном в сверхчувственные миры, пространством метафизического присутствия и перехода, рождающим амбивалентные и онтологически равноценные чувства солнечной радости и грозного ужаса. Мамлеевская метафора «блуждающего времени» обогащается при сопоставлении с «большим временем» М. М. Бахтина: в самом деле, феномен русской усадьбы продуктивно рассматривать именно в многовековом культурно-цивилизационном контексте, где будущее часто становится цитатой из прошлого, где литературная усадьба XXI в., элиминируя имперский период XVIII — начала XX в., воспроизводит очертания *теремов* и *хором* Московского царства XVI–XVII вв. И это уже устойчивая примета современной усадебной топики в произведениях Т. Н. Толстой («Кысь», 2000), В. Г. Сорокина («День опричника», 2006), А. П. Потёмкина («Человек отменяется», 2007), В. О. Пелевина («Transhumanism Inc.», 2021) и др. Осмыслить указанную тенденцию помогает перенесенный на почву литературоведения *цивилизационный подход* в исторической науке (подробнее см.: [Гранин]), в русле которого по преимуществу и формируется сейчас будущее русской литературной усадьбы.

Однако в данной статье основное внимание мы уделим иным аспектам футурологии в усадебной тематике рубежа XX–XXI вв. Векторами постижения нам послужат недавно выдвинутые категории *гетеротопии усадьбы*, *усадебного габитуса*, *криптоусадебной мифологии* и *усадебности*, релевантные новому качеству *усадебного текста* начиная со второй четверти XX в. и до нашего времени, а также две важнейшие в XX в. модификации *усадебного топоса* — *усадебна-музей* и *город-сад*. Первая категория указывает на парадоксальное совмещение в топосе русской литературной усадьбы XIX–XX вв. (у А. С. Пушкина, И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого, И. А. Бунина, Б. Л. Пастернака,

К. Г. Паустовского и мн. др.) культурных ценностей разных эпох и народов, вследствие чего она предстает как «компенсаторная <...> гетеротопия», или «другое реальное пространство, настолько совершенное, настолько тщательно и хорошо устроенное, насколько наше беспорядочно, плохо устроено и запутано» [Фуко: 203]. В современной прозе воплощением и одновременно кризисом *гетеротопии усадьбы* можно назвать роман М. Л. Степновой «Сад» (2020): с одной стороны, прекрасное поместье княгини Борятинской — плод высочайшей классической культуры второй половины XIX в., с другой — в его постоянных обитателях, враче Мейзеле и княжне Тусе, нарастает стремление к естественности как культурной аннигиляции, что начинается с уничтожения библиотеки, а заканчивается вырубкой под корень плодоносного усадебного сада. А ведь именно сад и библиотека, по М. Фуко, являются наиболее древними «универсализирующими гетеротопиями» (см.: [Фуко: 200–201]).

Усадебный габитус — как способность сохранить определяющие ценности усадебной топики при перемещении в условия других топосов или субтопосов (подробнее см.: [Богданова, 2019: 11–12]) — указывает на возможность посредничества между сменяющимися во времени историческими модификациями *усадебного топоса*, в частности перехода от патриархально-органической замкнутости родовой усадьбы к коллективно-рукотворному *городу-саду*. Это становится наглядным при сопоставлении рассказов А. Н. Толстого «Мечтатель (*Аггей Коровин*)» (1910) и «Овражки» (1913) (подробнее см.: [Богданова, 2019: 104–124]). Расширяя свое духовно-культурное пространство до *города-сада*, «усадебные» герои раннего А. Н. Толстого неизменно сохраняют положительные конститутивные черты *усадебной культуры* на личностном уровне: душевную чуткость и открытость, чистоту сердца, самоотверженность в любви, стремление к высшей цели, отвагу и упорство в ее достижении, преданность семейно-родовым устоям и национальной традиции.

В свою очередь, отрицательные коннотации *усадебного габитуса*, подсвеченные аналогией с рассказом «Антигона» из бунинского цикла «Тёмные аллеи» (1937–1953), можно проследить в рассказе «Анти-Ганна» из цикла «Гуманные аллеи» (2019)

современного писателя А. И. Славовского. Раскрывая взаимоотношения между хозяином и прислугой в одном из домов загородного коттеджного поселка начала XXI в., автор как будто воспроизводит поведенческие модели русского поместья конца XVIII — первой половины XIX в.: владелец Альбер Петрович, подобно помещику-крепостнику, в угоду своим прихотям морально и физически развращает зависимых от него «дворовых» Ганну и Саню. Со своей стороны, Ганна по отношению к нему и к своему любовнику, таджику-гастарбайтеру Сане, не гнушается низкой расчетливостью, шантажом, вымогательством, покушением на убийство и т. п. Неожиданный мезальянс в конце рассказа — брак между хозяином и домработницей — манифестирует взаимообусловленность, как бы диалектическое единство вариантов их *усадебного габитуса*. Относительно новый штрих вносит фигура Сани, пытающегося сохранить в своей душе нравственные ценности патриархальной азиатской культуры, из которой он вышел: честность, доверие к людям, уважение к женщине, самоотверженную любовь к семье, чувство долга перед соотечественниками. В какой-то мере он становится субститутотом чистого сердцем крестьянина из русской «усадебной» классики XIX в. и, подобно такого рода персонажам, оказывается безвинной жертвой чужих притязаний.

Криптоусадебная мифология — прикровенное, скрытое за фасадом новой мифоидеологии, во многом тайное присутствие пленительного *усадебного мифа* Серебряного века в десятилетия советских гонений на частно-владельческие формы жизнеустройства. Она становится знаком неуничтожимости положительной семантики *усадебного текста*, пробивающейся сквозь отрицательные коннотации «усадебной» литературы XX в., как трава сквозь трещины асфальта. Именно благодаря ей в литературе СССР имплицитно восстанавливался и сохранялся «вечный» архетипический усадебно-райский образ. В качестве примера вспоминается повесть А. П. Гайдара «На графских развалинах» (1928), где истинными наследниками благородного «усадебного» кодекса Серебряного века: чести, достоинства, милосердия, самоотверженного служения Отечеству, чувства прекрасного — в послереволюционное время становятся простые школьники из трудовых крестьянских семей.

В современной литературе это, в частности, рассказ А. И. Слаповского «Русалка» из цикла «Гуманные аллеи» (2019), где с помощью мотивных цепочек, аллюзий и реминисценций выстраивается целая система литературных зеркал: А. С. Пушкин «Русалка» (1829), М. Ю. Лермонтов «Русалка» (1832), А. А. Фет «Какая холодная осень!» (1854), И. А. Бунин «Холодная осень» (1944). Все перечисленные авторы — выходцы из русской усадьбы, яркие носители *усадебной культуры*, выражавшие в своих произведениях ее топику, мифопоэтику и мотивику. И неважно, что у Слаповского усадьба как место действия отсутствует, а герои — люди позднесоветской эпохи, жители Владивостока и Усть-Каменогорска. Важно, что они живут в «усадебном» поле русской литературной классики, бессознательно продолжают своими судьбами ее силовые линии и утверждают, казалось бы, навсегда утраченные «усадебные» ценности (подробнее см.: [Богданова, 2023: 231]).

Категория *усадебности* на рубеже XX–XXI вв. также способствует будущему развитию литературной усадьбы. Ведь по мере все большего отдаления от аутентичных владельческих усадеб Золотого и Серебряного веков русской культуры, в *усадебных-музеях*, научно-исследовательском дискурсе и посвященных усадьбе медиа происходит, с одной стороны, вычленение ценностного ядра усадебной топики из прежнего, навсегда утраченного «живого» историко-культурного контекста, а с другой — внедрение ее в новый, только формирующийся социокультурный контекст. Архетипическая усадебная «сердцевина», вливаясь в современные «мéхи», идентифицируется далеко не сразу: в качестве примера можно указать на феномен авторской и бардовской песни (Б. Ш. Окуджавы, А. И. Иващенко, Г. Л. Васильева, И. Б. Белого и др.) с окружающей инфраструктурой (см.: [Михаленко: 3–4]). Однако благодаря тем форматам медийности (картинам, иллюстрациям, спектаклям, фильмам, радиопостановкам, ролевым видеоиграм, интерактивным музейным экскурсиям и проч.), которые стали почвой для новых вариаций литературной усадьбы, внутренние «поведенческие сценарии» ушедшего усадебного жизнеустройства XVIII — начала XX в. (см.: [Летягин, 2004: 17]) все же включаются в систему актуальных ценностей третьего десятилетия XXI в. Музей и медиа, формируя *усадебность*,

в ряде черт восстанавливают и транслируют, неизбежно смешивая их с новыми, те контексты, в рамках которых кристаллизовались константные национально-культурные смыслы. И литература XXI в. как к первоисточнику усадебной топики обращается именно к ним, а не к исчезнувшим столетие назад эмпирическим формам усадебной повседневности. Так, по мысли А. В. Маркова, вся семантика усадьбы в поэзии В. Б. Кривулина, Е. А. Шварц и О. А. Седаковой рубежа XX–XXI вв. «происходит не из опыта созерцания, а из реконструкции жестких структурных закономерностей, которые позволяют локализовать саму усадьбу не только в земном, но и в метафизическом мире. Усадьба оказывается конструкцией, а не локусом ассоциаций...» [Марков, 2018: 88–89].

Огромная роль в трансформации русской литературной усадьбы еще с начала XX в. принадлежит неомифологеме *город-сада*, берущей начало в концепции английского социолога-утописта конца XIX в. Э. Говарда. Русские же писатели первой трети XX в. (А. Н. Толстой, М. А. Булгаков, В. В. Маяковский, В. Хлебников, Ф. В. Гладков и др.), в той или иной мере опиравшиеся на классическое наследие «дворянской» литературы XIX столетия, имели свой, оригинальный источник для развития названной неомифологемы — сельскую помещичью усадьбу, прочно вошедшую в русский дореволюционный быт и в русскую словесность. Так, анализируя творчество В. Хлебникова, П. А. Ворон пишет: «Усадьба <...> в контексте современного поэту дискретного мира предстает не только воплощением чаемой органики, но и предвестием ее всемирного распространения, а футурологический "город-сад" на русской почве становится одной из модификаций "усадебного топоса"» [Ворон (Скляднева): 76]. Важно отметить, что по своему замыслу *город-сад* — это не уединенный «вертоград заключенный», но соседство ряда автономных усадеб, объединенных зданиями общественного назначения как пространственным центром. Таким образом, он совмещал в себе характеристики усадьбы и дачного поселка, что оказалось весьма продуктивным в поиске оптимальной формы жизнеустройства для основной массы населения в XX в. Итак, возведенная во множественную степень усадьба становилась основой, молекулой будущего *города-сада*.

Неудивительно, что в 1920-е гг. именно *город-сад* стал градостроительной стратегией молодого советского государства. Как утверждает М. Г. Меерович, «идея города-сада составляла в послереволюционный период основу советской архитектурно-градостроительной политики», несмотря на то что встречала «резкое противодействие со стороны государственных органов <...> из-за ее социального содержания, <...> как утверждалось, связанного с капитализмом»: «тип отдельностоящего жилого дома с приусадебным участком (коттедж) рассматривался ею как абсолютно недопустимый для массового государственного и кооперативного строительства» [Меерович: 19]. В результате к началу 1930-х гг. идея города-сада «была заменена доктриной советского рабочего поселка» [Меерович: 20], воплощавшего принцип «трудо-мобилизационной и военно-мобилизационной организации населения» [Меерович: 12], жесткой связи с градообразующим производством и прикрепления человека к месту работы (см. также: [Меерович: 21]). При этом «вопросы формирования комфортной среды обитания отходили на второй план или вообще не ставились» [Меерович: 25].

Итак, в довоенном СССР сосуществовали «две принципиально разные архитектурно-градостроительные концепции: а) город-сад (автономное самоуправляемое поселение); б) соцгород (поселение при промышленности)» [Меерович: 29]. Первая стимулировала одно-двухэтажное строительство усадебного типа, вторая — возникновение стандартных многоэтажных городов-муравейников. Отказ на государственном уровне от идеи *города-сада* с 1930-х гг. запустил не только мегаполисную урбанизацию в стране, но и компенсаторно-дополняющий формат дачного времяпрепровождения. Как видим, проницательное наблюдение В. Г. Щукина о начале поэтизации в творчестве Б. Л. Пастернака 1930-х гг. съемной дачи как субститута окончательно утрачиваемой усадьбы подкрепляется социологическими данными (см.: [Щукин, 2024]).

В культурологическом плане описанная ситуация объясняется произошедшей в СССР на рубеже 1920–1930-х гг. рокировкой «культуры 1» (доминировавшей в 1920-е гг.) и «культуры 2» (доминировавшей в 1932–1954 гг.), по терминологии В. З. Паперного. Ученый исходит из того, что «некоторую часть событий

русской истории (и среди них события, связанные с изменениями пространственных представлений) можно описать в терминах поочередного преобладания культур 1 и 2» [Паперный: 19]. Если «культуре 1» свойственно «горизонтальное», индивидуализирующее расселение людей, когда «ценности периферии становятся выше ценностей центра», то «культура 2 характеризуется перемещением ценностей в центр», «общество застывает и кристаллизуется» в массовой стандартизации [Паперный: 20], причем оба процесса носят циклический характер, последовательно сменяя друг друга, а на некоторых временных отрезках — сосуществуя.

Одновременно учитывая результаты исследований М. Г. Мееровича и В. З. Паперного, приходим к выводу о том, что *город-сад* с очевидностью является проявлением «культуры 1», а последующие советские города и мегаполисы — «культуры 2»; вытеснение *города-сада* из советской действительности 1930–1950-х гг. означало победу «культуры 2» в указанное время. Попробуем экстраполировать периодизацию В. З. Паперного (его исследование доходит лишь до конца 1950-х гг.) на дальнейшую социокультурную историю нашей страны в градостроительно-расселенческом аспекте. С 1960-х гг. в СССР начинается широкое садоводческое движение, когда промышленные города буквально обрастают утопающими в зелени дачными поселками, обитатели которых становятся счастливыми собственниками крошечных участков с каркасными домиками на них, при этом сохраняя свои городские квартиры или комнаты как основное место жительства. Крен в сосуществовании обеих культур обнаруживается в 1990-е гг., вместе с законодательным закреплением частной собственности на землю и строения, и продолжает медленно склоняться в сторону «культуры 1», несмотря на увеличивающиеся масштабы многоэтажной мегаполисной застройки во всех регионах страны.

Еще в 1990-е гг. в постсоветской России зарождается общественное движение по созданию «поселений родовых поместий» на основе принципов, изложенных в книжной серии «Звенящие кедры России»¹. В 2004 г. появляется концептуальное исследование

¹ См.: Владимир Мегре: официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://vmegre.com/> (07.06.2024).

А. С. Кривова и Ю. В. Крупнова «Дом в России. Национальная идея», выдвигающее одобренный А. И. Солженицыным проект «поместно-усадебной урбанизации» как «сценарий благоприятного и активно создаваемого будущего» России [Кривов, Крупнов: 156, 251]. Программа авторов — «уйти от образа городов как бетонно-каменных античеловеческих пространств <...> к образу экологических городов-садов, <...> составляющих <...> страну-сад Россию», другими словами — строить новую Россию как «страну-сад из усадебно-поместных городков», не барских, высокотехнологичных, современных [Кривов, Крупнов: 114, 118]. Так концепция *города-сада* начала XX в. через столетие вырастает в мечту о *стране-саде*.

Проект «усадебизации» России в XXI в. существует уже на уровне Государственной Думы и региональных правительственных программ (в пилотном режиме осуществляемых в Белгородской области и на Дальнем Востоке). В условиях демографической убыли населения и размывания национально-цивилизационной идентичности России под прессом однополярной западной глобализации председатель Наблюдательного совета Института демографии, миграции и регионального развития Ю. В. Крупнов предлагает новую стратегию застройки и заселения обширных земель малоэтажными домами усадебного типа с прилегающими участками. Это, по его мнению, стимулирует восстановление российской семьи, ее многодетность, а также возврат к лучшим национальным традициям, сформированным *усадебной культурой* прошлых веков (см.: [Крупнов, 2023]).

Отказ же от *города-сада* в советское время, считают А. С. Кривов и Ю. В. Крупнов, уже в 1990-е гг. привел страну одновременно к четырем «тупикам»: «железобетонному», «коммунальному», «дачному», «цивилизационному» (см.: [Кривов, Крупнов: 51, 59, 68, 75]). Остановимся на двух последних. Дача воспринимается авторами книги в целом отрицательно — как суррогат усадьбы и по сути компенсаторно-дополняющий элемент городской застройки, как бесперспективное наследие индустриально-советского способа расселения. Однако при этом безоговорочно признается стихийная сила дачного движения как народно-го стремления к возрождению усадебного жизнеустройства.

Что касается «цивилизационного тупика», то авторы «Дома в России» призывают уйти от скученно-городской цивилизации западного типа к другой, основанной на тысячелетних российских традициях: ведь «усадебная — основа оригинального исторического расселения русского народа. И не только <...> русского». Раскрывая «архетипический смысл усадебно-поместья для русской культуры», А. С. Кривов и Ю. В. Крупнов указывают на особый характер древнерусских, допетровских городов как скопленных усадеб и на вытекающее из этого факта типологическое сходство сельских и городских усадеб в России [Кривов, Крупнов: 122, 123]. Так, Москва вплоть до середины XIX в. оставалась «образцом российской поместной урбанизации»: во времена первых Романовых, в XVII в., «стольный град был необычайно широко раскинувшейся рыхлой агломерацией слобод, разделенных полями, вспольями и лугами. <...> Да, он не подходит под западную, европейскую схему, но совершенно очевидно отражает само отличие цивилизаций — русской и западноевропейской» [Кривов, Крупнов: 180–181]. Получается, что для оздоровления и возрождения России в XXI в. необходимо приглядеться к основам допетровской Руси XVI–XVII вв., в том числе к существовавшему в ней славяно-тюркскому симбиозу (подробнее см.: [Гумилев]). Именно там — наши усадебные корни, пусть и давшие наиболее значительные побегии на европеизированной имперской почве XVIII–XIX вв. Как уже отмечалось, эти идеи буквально витают в воздухе, стимулируя развитие в современной художественной литературе *усадебного текста* не столько в историко-ностальгическом, сколько в прогностическом ключе, — это и «Кысь» Т. Н. Толстой, и «Авиатор» Е. Г. Водолазкина, и «Дети мои» Г. Ш. Яхиной, и «Сад» М. Л. Степновой, и мн. др. Таким образом, открывается простор для эволюции литературной усадебности в футурологической перспективе.

Усадебная и дачная — нерв русской литературы, отзывающийся то болью утрат, то радостью гармоничного человеческого жизнеустройства на родной земле. Поэтому ранее отмеченный процесс деконтекстуализации литературной усадебности в XX в., вычленения ее ценностного ядра из ушедшего историко-культурного контекста имперского периода русской истории (XVIII — начала XX в.), требует переноса архетипических усадебных смыслов в иной, нарождающийся, сквозящий будущим историко-культурный

контекст. О. А. Гриневич (Нагель) частично исследовала в русле феноменологического метода отношения между *усадебным текстом* XVIII–XX вв. и «контекстами, которые формируются в сменяющих друг друга тенденциях деконтекстуализации и реконтекстуализации и механизме культурной метарефлексии» [Гриневич: 82]. Добавим, что указанные процессы продуктивно осмыслить и в рамках ориентированного на «большое время» *цивилизационного подхода*, чему, однако, должно быть посвящено отдельное, самостоятельное исследование.

Итак, будущее у русской литературной усадьбы, безусловно, имеется. На основе рассмотренных произведений современной литературы оно представляется не только богатым и разнообразным, но и облеченным в новые художественные формы, у истоков которых — категории *гетеротопии усадьбы*, *усадебного габитуса*, *криптоусадебной мифологии*, *дачного мифа* и *усадебности*. Благодаря способности *усадебного топоса* к новым культурным модификациям, в литературе XXI в. мы вправе ожидать произведений, связанных с обновленной русской (российской) усадьбой как *городом-садом*, *окном в трансцендентные смыслы* и *евро-азиатским феноменом*. Однако необходимо учитывать, что все упомянутые нами произведения конца XX — начала XXI в. написаны в контексте постмодернистской культурной ситуации с ее онтологической и антропологической неопределенностью, деконструкцией привычных бытийных смыслов, иерархий и нарративов (подробнее см.: [Богданова, 2013: 9–10]). Все они в той или иной степени манифестируют художественные направления метамодернизма («Кысь» Т. Н. Толстой, «Человек отменяется» А. П. Потёмкина, «Сад» М. Л. Степновой и др.), метафизического реализма («Блуждающее время» и «Империя духа» Ю. В. Мамлеева), собственно постмодернизма («День опричника» В. Г. Сорокина, “Transhumanism Inc.” В. О. Пелевина) и т. д. Современная проза показывает, что футурология русской усадьбы связана с «большим временем», что история русской усадьбы выходит за рамки имперского периода XVIII — начала XX в., которым раньше ограничивали ее существование.

Список литературы

1. Агратин А. Е. Проблема идентичности героя в постусадобном мире: «Заповедник» С. Д. Довлатова // Усадьба и дача в литературе советской эпохи: потери и обретения: коллективная монография / сост. О. А. Богданова; отв. ред. В. Г. Андреева, О. А. Богданова. М.: ИМЛИ РАН, 2024. С. 204–216. (Сер.: Русская усадьба в мировом контексте; вып. 8.)
2. Богданова О. А. Русская проза конца XX — начала XXI века. Основные тенденции. СПб.: Петрополис, 2013. 204 с.
3. Богданова О. А. Усадьба и дача в русской литературе XIX–XXI вв.: топика, динамика, мифология: монография / отв. ред. Е. Е. Дмитриева. М.: ИМЛИ РАН, 2019. 288 с. (Сер.: Русская усадьба в мировом контексте; вып. 1.)
4. Богданова О. А. Невидимые звенья «усадобного сверхтекста» // Вестник славянских культур. 2023. Т. 69. С. 224–236 [Электронный ресурс]. URL: <http://vestnik-sk.ru/russian/archive/2023/tom-69/bogdanova1> (07.06.2024). DOI: 10.37816/2073-9567-2023-69-224-236
5. Ворон (Скляднева) П. А. «Усадобный топос» и «город будущего» в творчестве Велимира Хлебникова // Артикульт. 2018. № 31 (3). С. 69–78 [Электронный ресурс]. URL: <https://articult.rsuh.ru/article/ult-31-3-2018/articult-31-3-2018-voron-sklyadneva.php> (07.06.2024). DOI: 10.28995/2227-6165-2018-3-69-78
6. Гранин Ю. Д. «Цивилизационный подход». Становление и эволюция // Проблемы цивилизационного развития. 2020. Т. 2. № 2. С. 65–85 [Электронный ресурс]. URL: <https://civstudies.ru/article/view/5192> (07.06.2024). DOI: 10.21146/2713-1483-2020-2-2-65-85
7. Гриневиц О. А. Поэтика усадобного текста: миф, реальность, литература: монография. Гродно: ГрГУ, 2022. 143 с.
8. Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. М.: Мысль, 1989. 766 с.
9. Дворянская и купеческая сельская усадьба в России XVI–XX вв.: исторические очерки / отв. ред. Л. В. Иванова. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 782 с.
10. Кривов А. С., Крупнов Ю. В. Дом в России. Национальная идея. М.: Олма-Пресс, 2004. 416 с.
11. Крупнов Ю. В. Пространство для русского миллиарда: доклад. 15 августа 2023 // Авторский блог Юрия Крупнова [Электронный ресурс]. URL: https://zavtra.ru/blogs/prostranstvo_dlya_russkogo_milliarda (14.06.2024).
12. Летагин Л. Н. Русская усадьба: мир, миф, судьба // Русская усадьба: сб. Общества изучения русской усадьбы. М.: Жираф, 1998. Вып. 4 (20). С. 253–259.
13. Летагин Л. Н. Усадобный металандшафт России // Русская усадьба: сб. Общества изучения русской усадьбы. М.: Жираф, 2004. Вып. 10 (26). С. 9–18.
14. Летагин Л. Н. *Supremum vale*: постусадобная Россия и литературная классика // Усадьба и дача в литературе советской эпохи: потери и обретения: коллективная монография / сост. О. А. Богданова; отв. ред.

- В. Г. Андреева, О. А. Богданова. М.: ИМЛИ РАН, 2024. С. 348–369. (Сер.: Русская усадьба в мировом контексте; вып. 8.)
15. Марков А. В. Иконография русской усадьбы в поэзии Виктора Кривулина, Елены Шварц и Ольги Седаковой // Вестник Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. Серия: Социальные и гуманитарные науки. 2018. № 3 (19). С. 81–91 [Электронный ресурс]. URL: https://sci.vlsu.ru/main/izdanie/doc/Pravka_Vestnik_19.pdf (07.06.2024).
 16. Марков А. В. Медиальность и интермедиальность усадьбы в постсоветской русской поэзии // Культура и образование. 2019. № 2 (33). С. 58–68 [Электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=40085187> (07.06.2024). DOI: 10.244411/2310-1679-2019-10206
 17. Меерович М. Г. От городов-садов к соцгородам: основные архитектурно-градостроительные концепции в СССР (1917 — первая половина 1930-х гг.): автореф. дис. ... д-ра архитектуры. М., 2015. 47 с.
 18. Михаленко Н. В. Усадебность как ключ к усадебной топике в литературе и культуре рубежа XX–XXI вв. Текстовый отчет: аннотация доклада [Электронный ресурс]. URL: <http://litasadba.imli.ru/event/otchet-o-pervom-pyatom-zasedanii-nauchnogo-seminara-problemy-metodologii-i-tezaurusa-usadebnyh> (18.06.2024).
 19. Паперный В. З. Культура Два. 4-е изд. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 416 с.
 20. Разумовская А. Г. «Шелонь течет онегинской строкою»: усадьба Холмки в пространстве памяти // Усадьба и дача в литературе советской эпохи: потери и обретения: коллективная монография / сост. О. А. Богданова; отв. ред. В. Г. Андреева, О. А. Богданова. М.: ИМЛИ РАН, 2024. С. 436–451. (Сер.: Русская усадьба в мировом контексте; вып. 8.)
 21. Фуко М. Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью / пер. с франц. Б. М. Скуратова. М.: Праксис, 2006. Ч. 3. 320 с. (Сер.: Новая наука политики.)
 22. Цивьян Т. О мифологических коннотациях дачи // The Dacha Kingdom: Summer Dwellers and Dwellings in the Baltic Area / ed. N. Bashmakoff and M. Ristolainen. Helsinki: Aleksanteri Institute, 2009. С. 11–24.
 23. Шукин В. Г. Российский гений просвещения. Исследования в области мифопоэтики и истории идей. М.: РОССПЭН, 2007. 608 с.
 24. Шукин В. Г. Дача как поток поэтического сознания. Стихотворение Бориса Пастернака «Вторая баллада» // Усадьба и дача в литературе советской эпохи: потери и обретения: коллективная монография / сост. О. А. Богданова; отв. ред. В. Г. Андреева, О. А. Богданова. М.: ИМЛИ РАН, 2024. С. 514–524. (Сер.: Русская усадьба в мировом контексте; вып. 8.)

References

1. Agratin A. E. The Problem of the Hero's Identity in the Post-Estate World: "The Reserve" by S. D. Dovlatov. In: *Usad'ba i dacha v literature sovetskoy epokhi: poteri i obreteniya* [Estate and Dacha in the Literature of the Soviet Era: Losses and Gains]. Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2024, pp. 204–216. (Ser.: Russian Estate in the World Context; issue 8.) (In Russ.)
2. Bogdanova O. A. *Russkaya proza kontsa XX — nachala XXI veka. Osnovnye tendentsii* [Russian Prose of the Late 20th — Early 21st Century. Main Trends]. St. Petersburg, Petropolis Publ., 2013. 204 p. (In Russ.)
3. Bogdanova O. A. *Usad'ba i dacha v russkoy literature XIX–XXI vv.: topika, dinamika, mifologiya* [Estate and Dacha in Russian Literature of the 19th–21st Centuries: Topic, Dynamics, Mythology]. Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2019. 288 p. (Ser.: Russian Estate in the World Context; issue 1.) (In Russ.)
4. Bogdanova O. A. Invisible Links of the "Estate Overtext". In: *Vestnik slavyanskikh kul'tur* [Bulletin of Slavic Cultures], 2023, vol. 69, pp. 224–236. Available at: <http://vestnik-sk.ru/russian/archive/2023/tom-69/bogdanova1> (accessed on June 7, 2024). DOI: 10.37816/2073-9567-2023-69-224-236 (In Russ.)
5. Voron (Skliadneva) P. A. "The Estate Topos" and "City of the Future" in the Creative Work of Velimir Hlebnikov. In: *Artikul't* [Articult], 2018, no. 31 (3), pp. 69–78. Available at: <https://articult.rsuh.ru/articult-31-3-2018/articult-31-3-2018-voron-sklyadneva.php> (accessed on June 7, 2024). DOI: 10.28995/2227-6165-2018-3-69-78 (In Russ.)
6. Granin Yu. D. "Civilizational Approach". Formation and Evolution. In: *Problemy tsivilizatsionnogo razvitiya* [Civilization Studies Review], 2020, vol. 2, no. 2, pp. 65–85. Available at: <https://civstudies.ru/article/view/5192> (accessed on June 7, 2024). DOI: 10.21146/2713-1483-2020-2-2-65-85. (In Russ.)
7. Grinevich O. A. *Poetika usadebnogo teksta: mif, real'nost', literatura* [The Poetics of the Estate Text: Myth, Reality, Literature]. Grodno, Yanka Kupala State University of Grodno Publ., 2022. 143 p. (In Russ.)
8. Gumilev L. N. *Drevnyaya Rus' i Velikaya step'* [Ancient Rus' and the Great Steppe]. Moscow, Mysl' Publ., 1989. 766 p. (In Russ.)
9. *Dvoryanskaya i kupecheskaya sel'skaya usad'ba v Rossii XVI–XX vv.: istoricheskie ocherki* [Noble and Merchant Rural Estate in Russia of the 16th–20th Centuries: Historical Essays]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2001. 782 p. (In Russ.)
10. Krivov A. S., Krupnov Yu. V. *Dom v Rossii. Natsional'naya ideya* [A House in Russia. The National Idea]. Moscow, Olma-Press Publ., 2004. 416 p. (In Russ.)
11. Krupnov Yu. V. *Prostranstvo dlya russkogo milliarda: doklad (15 avgusta 2023)* [Space for Russian Milliard: Report (August 15, 2023)]. Available at: <https://rus-lad.ru/news/you-krupnov-prostranstvo-dlya-russkogo-milliarda/> (accessed on June 14, 2024). (In Russ.)

12. Letyagin L. N. Russian Estate: World, Myth, Fate. In: *Russkaya usad'ba: sbornik Obshchestva izucheniya russkoy usad'by* [Russian Estate: Collection of the Society for the Study of the Russian Estate]. Moscow, Zhiraf Publ., 1998, issue 4 (20), pp. 253–259. (In Russ.)
13. Letyagin L. N. Estate Metalandscape of Russia. In: *Russkaya usad'ba: sbornik Obshchestva izucheniya russkoy usad'by* [Russian Estate: Collection of the Society for the Study of the Russian Estate]. Moscow, Zhiraf Publ., 2004, issue 10 (26), pp. 9–18. (In Russ.)
14. Letyagin L. N. Supremum vale: Post-Estate Russia and Literary Classics. In: *Usad'ba i dacha v literature sovetskoy epokhi: poteri i obreteniya* [Estate and Dacha in the Literature of the Soviet Era: Losses and Gains]. Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2024, pp. 204–216. (Ser.: Russian Estate in the World Context; issue 8.) (In Russ.)
15. Markov A. V. Iconography of the Russian Manor in the Poetry of Victor Krivulin, Elena Schwartz and Olga Sedakova. In: *Vestnik Vladimirskego gosudarstvennogo universiteta imeni Aleksandra Grigor'evicha i Nikolaya Grigor'evicha Stoletovykh. Seriya: Sotsial'nye i gumanitarnye nauki* [Bulletin of Vladimir State University Named After A. G. and N. G. Stoletovs. Series: Social Sciences and Humanities], 2018, no. 3 (19), pp. 81–91. Available at: https://sci.vlsu.ru/main/izdanie/doc/Pravka_Vestnik_19.pdf (accessed on June 7, 2024). (In Russ.)
16. Markov A. V. Manorial Mediality and Intermediary in the Post-Soviet Russian Poetry. In: *Kul'tura i obrazovanie* [Culture and Education], 2019, no. 2 (33), pp. 58–68. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=40085187> (accessed on June 7, 2024). DOI: 10.244411/2310-1679-2019-10206 (In Russ.)
17. Meerovich M. K. *Ot gorodov-sadov k sotsgorodam: osnovnye arkhitekturno-gradostroitel'nye kontseptsii v SSSR (1917 — pervaya polovina 1930-kh gg.)* [From Garden-Cities to Social Cities: the Main Architectural and Urban Planning Concepts in the USSR (1917 — the First Half of the 1930s)]. PhD. arch. sci. diss. abstract]. Moscow, 2015. 47 p. (In Russ.)
18. Mikhailenko N. V. *Usadebnost' kak klyuch k usadebnoy topike v literature i kul'ture rubezha XX–XXI vv. Tekstovyy otchet: annotatsiya doklada* [Estateness as the Key to the Estate Topic in Literature and Culture of the Turn of the 20th–21st Centuries. Text Report]. Available at: <http://litusadba.imli.ru/event/otchet-o-pervom-pyatom-zasedanii-nauchnogo-seminara-problemy-metodologii-i-tezaurususa-usadebnyh> (accessed on June 18, 2024). (In Russ.)
19. Papernyy V. Z. *Kul'tura Dva* [Culture Two]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2016. 416 p. (In Russ.)
20. Razumovskaya A. G. The Shelon River Flows Like the Onegin Line: the Kholomki Estate in the Space of Memory. In: *Usad'ba i dacha v literature sovetskoy epokhi: poteri i obreteniya* [Estate and Dacha in the Literature of the Soviet Era: Losses and Gains]. Moscow, A. M. Gorky Institute of World

- Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2024, pp. 436–451. (Ser.: Russian Estate in the World Context; issue 8.) (In Russ.)
21. Fuko M. *Intellektualy i vlast': izbrannye politicheskie stat'i, vystupleniya i interv'yū* [*Intellectuals and Power: Selected Political Articles, Speeches and Interviews*]. Moscow, Praksis Publ., 2006, part 3. 320 p. (Ser.: The New Science of Politics.) (In Russ.)
 22. Tsvi'yan T. About the Mythological Connotations of Dacha. In: *The Dacha Kingdom: Summer Dwellers and Dwellings in the Baltic Area*. Helsinki, Aleksanteri Institute Publ., 2009, pp. 11–24. (In Russ.)
 23. Shchukin V. G. *Rossiyskiy geniy prosveshcheniya. Issledovaniya v oblasti mifopoetiki i istorii idey* [*The Russian Genius of Enlightenment. Research in the Field of Mythopoetics and the History of Ideas*]. Moscow, Political Encyclopedia Publ., 2007. 608 p. (In Russ.)
 24. Shchukin V. G. Dacha as a Stream of Poetic Consciousness. Boris Pasternak's Poem "The Second Ballad". In: *Usad'ba i dacha v literature sovetskoy epokhi: poteri i obretneniya* [*Estate and Dacha in the Literature of the Soviet Era: Losses and Gains*]. Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2024, pp. 514–524. (Ser.: Russian Estate in the World Context; issue 8.) (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Богданова Ольга Алимовна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Отдела русской литературы конца XIX — начала XX в., Институт мировой литературы им. А. М. Горького, Российская академия наук (ИМЛИ РАН) (ул. Поварская, 25а, стр. 1, г. Москва, Российская Федерация, 121069); ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7004-498X>; e-mail: olgabogda@yandex.ru.

Olga A. Bogdanova, PhD (Philology), Leading Researcher at the Department of Russian Literature of the Late 19th — Early 20th Centuries, A. M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences (ul. Povarskaya 25a/1, Moscow, 121069, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7004-498X>; e-mail: olgabogda@yandex.ru.

Поступила в редакцию / Received 15.06.2024

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 16.07.2024

Принята к публикации / Accepted 16.07.2024

Дата публикации / Date of publication 12.09.2024